

JORGE
AMADO

THE
SWALLOW
AND THE
TOM
CAT

a love
story

Annotation

Еще одна история о любви — сказка, естественно.

- [Полосатый кот и ласточка Синья](#)
 -
 - [Рассвет](#)
 - [Приход Весны](#)
 - [Весна в разгаре](#)
 - [Глава первая, отставшая и потерявшая свое место](#)
 - [Конец весны](#)
 - [Лето](#)
 - [Осень](#)
 - [Продолжение осени](#)
 - [Зима](#)
 - [Ночь без звезд](#)
- [notes](#)
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Полосатый кот и ласточка Синья

(История одной любви)

*И станет мир другим,
Без горя и невзгод,
Коль этот день придет,
Когда бродяга Кот
В жены Ласточку возьмет,
И вместе отправятся в полет
Ласточка и Полосатый Кот.*

Стихи и мысли Эстевана да Куньи,

народного поэта,

*обосновавшегося в Баии на рынке
Семи Ворот.*

Историю любви Полосатого Кота и Ласточки Синьи я написал в 1948 году в Париже, где жил тогда с женой и сыном Жоау Жоржи, которому исполнился ровно год, как подарок ко дню рождения, в надежде, что он когда-нибудь прочтет ее. Потом текст затерялся в детских игрушках, и

только в 1976 году, роюсь в старых вещах, Жоау обнаружил рукопись и наконец познакомился с ней.

Я никогда не собирался публиковать эту историю. Но когда Жоау Жоржи дал прочитать рукопись Карибэ*, и великий байянский художник из чувства дружбы и по собственному желанию нарисовал на ее страницах прекрасные иллюстрации**, такие великолепные, что все ими восхищались. Вследствие чего у меня не было больше причин отказываться от публикации этой вещи: если текст того не стоит, то акварели Карибэ, безусловно, этого заслуживают.

Текст публикуется в том виде, как я его написал в Париже почти 30 лет назад¹. Если трогать его, то нужно переделывать полностью, и тогда он потеряет свое единственное достоинство: он был написан просто ради удовольствия, без каких бы то ни было обязательств перед публикой или издателем.

Лондон, август 1976 г .

Jorge Amado

Эта сказка — подарок моему сыну Жоану Жоржи в его день рождения.
Париж, 25 ноября 1948 г .

Теперь же, в августе 1976 года, публикуя эту старую историю, к имени моего сына Жоау Жоржи, лучшего человека, какого я знаю, хочу добавить на этой странице с посвящением также имя моего крестника Николаса Бая, которого зовут Никили или Ники, красивого и умного, и имена моих внуков — Бруно, Марианы, Марии Жоао Пинокио Лейао и Сесилии, которые еще не умеют читать, как не умел читать Жоау, когда я написал эту книгу. Имена внуков и имя их бабушки, доны Зелии, которая всегда добивается того, чего захочет.

Кроме того, хочу посвятить ее человеку, которого я лично не знаю, думаю, что это это мужчина, а не женщина, но, по правде, не знаю. Речь идет о читателе, который многие годы, лет, наверное, двадцать, посылает мне каждые два или три месяца, регулярно, альбомы с вырезками на самые разные темы, которые, как ему кажется могут заинтересовать меня как писателя. Он подписывается разными именами и присваивает себе разные профессии. Один из его многочисленных псевдонимов — Жарбас Карвальял, из клана Карвальялов.

Кроме меня, он завоевал других почитателей: Мирабеу Сампайо — его безусловный поклонник, а что касается Жоао Жоржи, то он с детства с

интересом изучает огромные альбомы с вырезками.

Посвящая эту книгу с рисунками Карибэ, неизвестному другу, который воплощает в себе всех моих читателей в Бразилии и за рубежом, где бы они ни жили и на каких бы языках ни говорили, я благодарю всех их за искреннее уважение и признание моего писательского труда.

Лондон, август 1976

Это случилось давно, очень-очень давно, в те стародавние времена, когда звери разговаривали, собак сажали на цепь из сарделек, храбрые портняжки женились на принцессах, а детей приносили в клювах аисты.

Теперь девочки и мальчики рождаются уже зная все на свете. Еще в утробе матери они занимаются психоанализом, выбирая для себя подходящий комплекс: *тоску, одиночество, насилие*.

В те давние времена и произошла одна история любви.

Рассвет

Заря вставала медленно, с опозданием на три четверти часа, неисправимая копуша. Она задерживается в облаках, лентяйка, с трудом раскрывает глаза, ведь так хочется спать, спать пока спитесь! Если случится, что Заря найдет богатого мужа, она будет спать до одиннадцати часов — плотные занавески на окна и кофе в постель. О, сны созревшей девушки — уже иная сторона жизни этой мелкой служащей департамента Времени. Увы, пока она обязана вставать ранехонько, чтобы потушить звезды, которые зажигает Ночь, чтобы отогнать темноту. Ночь — ужасная трусиха, и так боится темноты.

Поцелуем гасит Заря каждую звезду на своем длинном пути к горизонту.

Полусонная, зевающая, случалось, она забывала погасить некоторые из них. И они, бедняги, так и горели до самого вечера, понапрасну растрчивая свой блеск, какая жалость! Потом Заря будит Солнце (утомительное занятие, работа для великанов, а не для такой нежной девушки). Надо раздуть пылающие угли, когда Ночь уже уходит, получить первый, колеблющийся огонек, сохранить его и взрастить бушующее

пламя.

Так, в одиночестве, Заря и проводила бы время, стараясь разжечь Солнце, но почти всегда Ветер, знаменитый горновой, прилетал ей на помощь. Только глупец будет утверждать, что они встречались всегда случайно: ведь все знают, что случайностей в таком деле не бывает. Да и кто не слышал о тайной страсти Ветра к Заре? Тайной? — Секрет на весь белый свет.

Репутация Ветра была подмочена слухами, подозрительными, двусмысленными и дерзкими: проказник, с которым надо держать ухо востро. Часто говорили о его обычных проделках: то потушит все фонари, лампочки и светильники, чтобы напугать Ночь, то сорвет всю листву с акаций, оставив их голешенькими — шутки явно дурного вкуса. Однако, хоть это и покажется невероятным, Ночь вздыхала о нем, и акации в лесу чувственно трепетали при его приближении, бесстыдницы.

Но излюбленной шуткой Ветра было спрятаться под женской юбкой и неожиданно поднять ее, обнажая ноги. Надежнейший трюк в былые времена, сопровождавшийся смехом, косыми и жадными взглядами и восторженными восклицаниями. Я говорю, в былые времена, потому что сейчас Ветру уже не добиться большого успеха подобными шутками. Что открывать, если и так все выставлено напоказ, а ведь только запретный плод бывает сладок. Кто знает, может быть, будущие поколения будут бороться против легкомыслия и доступности, требуя на митингах и демонстрациях скромности и приличия.

Он немного сумасшедший, наверное, этот Ветер, не будем скрывать его недостатки. Но почему бы не сказать о его неоспоримых достоинствах? Веселый, ловкий, темпераментный танцор, добрый и нежный, готовый прийти на помощь первому встречному, особенно если дело касается женщины или девушки.

В такую рань, из-за страшного холода, Ветер кружит по дальним, запутанным тропкам, а на рассвете направляется в дом Солнца, чтобы помочь Зореньке. Он дует изо всей силы своих легких, а как только тлеющие угли разгораются, Ветер позволяет легким бризам поддерживать огонь своими веерами, а сам начинает рассказы о своих приключениях, о том, что видел он, скитаясь по свету без всякой цели: о покрытых снегом горных вершинах, гораздо выше облаков, или о безднах, таких глубоких, что Заря никогда не могла бы заглянуть на их дно.

Забияка и храбрец, король скороходов, не признающий границы, пересекающий континенты, открывающий тайные клады, Ветер хранил целую котомку разных историй для своих слушателей.

Заря безумно любила интересные истории и поэтому опаздывала еще больше, не в силах оторваться от рассказов Ветра: то смешных, то печальных, то длинных, как роман с продолжением. Не имея никакой склонности к работе, Заря с удовольствием слушала эти истории, радуясь и печальясь, а иногда и рыдая над самыми лучшими, самыми волнующими из них. Эта Заря устраивала ужасный беспорядок в работе часов, которые обязаны были замедлять ритм своих маятников и бег стрелок, чтобы отметить приход Зари ровно пятью часами утра.

Некоторые часы просто сходили с ума и никогда не показывали точного времени: то отставали, то мчались вперед, путая день с ночью. Другие останавливались раз и навсегда. Всемирно известные куранты на башне всемирно известного завода (производящего самую точную продукцию в мире), эти олимпийские чемпионы точного времени, повесились на собственных стрелках, чтобы не расстраиваться впредь из-за медлительности Зари и снижения темпов производства. Это были швейцарские часы с образцовым чувством собственного достоинства и производственного патриотизма.

Да что там часы, даже петухи теряли голову, обрывая песню, возвещавшую восход Солнца, тогда как Заря еще и не думала будить его, внимая тирадам Ветра.

Часы и петухи как-то предъявили Старику-Времени, их общему начальнику, протест из 8 пунктов и 26 параграфов, но Время — существо безграничное, беспредельное, не вняло их просьбе: часом меньше, часом больше, стоит ли расстраиваться из-за такой мелочи, когда впереди у тебя вечность. Беспорядок вносит даже некоторое разнообразие. Более того, Время не скрывало свою слабость к Заре. Веселая и легкомысленная, молодая и изящная, не признающая правила и законы, Заря заставляла его забыть иногда скуку вечности и хронический бронхит. Тем не менее, на этот раз лентяйка перешла все границы дозволенного: Ветер хотел было сократить очередную свою историю до нескольких эпизодов, но Заря потребовала повествования, полного и подробного, и зажгла Солнце уже после того, как они распрощались.

Одетая в платье из утреннего света, с отделкой из полевых цветов, Заря проходит сквозь облака, задумчивая, рассеянная, вспоминая историю, которую ей вчера рассказал Ветер. Мечтательно, слегка смущенно думает она о том, в каком смятении чувств был тогда рассказчик. Как хотелось бы сейчас Заре забыть о своих нудных обязанностях, растянуться на этом предрассветном лугу и помечтать.

Почему Ветер выбрал именно эту историю? Имела ли она право

относить ее на свой счет, или он сделал это без всякой задней мысли, из любви к искусству? Нет, Заря подозревала в этом какой-то тайный смысл, который она чувствовала и прежде, то в страстном взгляде своего приятеля, то в печальном вздохе в час расставания.

Правда ли, что Ветер влюблен в нее, как об этом судачат кумушки? Собирается ли он просить ее руки? Неплохая идея — выйти замуж за Ветра, хотя Заря и предпочла бы миллионера. Ветер помогал бы ей тушить звезды и будить Солнце, сушить росу и раскрывать цветок Лотоса, который Заря, исключительно из упрямства, в пику всем, раскрывает на полтора часа раньше положенного срока. Если она выйдет замуж за Ветра, она обойдет с мужем весь мир, пролетит над самыми высокими горными пиками, пробежит на лыжах по вечным снегам, проплывет вместе с волнами над зелеными подводными рифами, а когда устанет, отдохнет в подземных пещерах, где днем прячется мрак, чтобы выспаться и набраться сил.

Легкомысленный и непостоянный, закоренелый холостяк, действительно ли думал Ветер о женитьбе? Десятки раз они говорили о любви, о тех приключениях и скандалах, в которых принимал участие Ветер. Тут были похищения и погони, разъяренные и обманутые мужья и клятвы мести. Заря качает головой: Ветер и не думает ни о какой женитьбе, у него совсем другие, бесчестные намерения, как говорили в прежние времена. И, тем не менее, стоит помечтать.

Погруженная в свои мысли, Заря идет совсем медленно, начисто забыв о времени. Часы, все как один, замерли в ожидании, петухи, все без исключения, охрипли от песни, возвещавшей восход Солнца, а где оно?

Петушиное пение разбудило народ, и, взглянув на часы, стрелки которых застыли на цифре 5, люди подумали, что Солнце исчезло. Тусклый предутренний свет смешался с пепельным шлейфом газового платья Ночи. Что это? Конец света? Началась невиданная паника.

Потом было получено столько жалоб из-за этого опоздания, что Старик-Время чувствовал себя обязанным хорошенько отругать Зарю, но, взывая к чувству долга и обещая самые страшные кары, Старик-Время, стараясь сохранить торжественно-важное выражение лица, прятал в усах и уголках губ улыбку заговорщика.

Заря призналась во всем:

— Отец мой, я слушала очень интересную историю. Вот и потеряла час.

— Историю? — заинтересовался Старик-Время, всегда мечтавший хоть как-то скрасить скуку вечности, — расскажи мне ее, и если это действительно хорошая история, я не только прощу тебя, но и подарю тебе голубую розу; она цвела много столетий назад, теперь уже нет таких, все изменилось, дочь моя, и к худшему, прошли прежние времена, — ах, какая тоска!

Заря уселась у ног хозяина, расправила складки платья и начала свой рассказ. Не дослушав до конца, старик заснул, но Заря не прервала эту историю, потому что, рассказывая ее, она, казалось, слышала ласковый голос Ветра, видела мольбу в глазах бродяги. Ах, Ветер, бесприютный скиталец, где ты сейчас?

В каком краю света кружишь ты, обнажая деревья, разгоняя облака, преследуя по небу Грозу, чтобы потом низвергнуть ее на зеленые пастбища?

Близки, очень близки Гроза и Ветер, друзья по скитаниям. Только ли друзья?

Эта неожиданная мысль омрачает чело Зари.

В скобках

(История, которую рассказала Заря Старика-Времени, чтобы получить голубую розу, была о Полосатом Коте и Ласточке Синье. А Заре

поведал эту историю Ветер, сопровождая ее загадочными восклицаниями и вздохами.

Я же передаю Вам то, что услышал от своего друга, знаменитой Жабы Куруру, которая живет на мшистом камне на берегу озера, в пустынном и негостеприимном месте. Старая приятельница Ветра, знаменитая Жаба Куруру рассказала мне об этом случае, чтобы подчеркнуть легкомыслие Ветра. Он растрчивает себя по пустякам вместо того, чтобы использовать долгие заграничные командировки для изучения международных отношений, санскрита или иглотерапии — полезных и благородных занятий.

Жаба Куруру — доктор философии, профессор лингвистики, специалист по поп-музыке, достойный и многоуважаемый член национальных и заграничных академий, знаменитый исследователь мертвых языков. И если эта история не покажется вам интересной, это вина не Ветра или Зари, а тем более не ученой Жабы Куруру. Просто в пересказе человека редкая история сохраняет свое первозданное очарование: теряется музыкальность и поэтичность Ветра).

Приход Весны

Когда пришла Весна, одетая светом, цветами и радостью, благоухающая тонкими духами, раскрывающая венчики цветов и одевающая деревья в зеленый наряд, Полосатый Кот потянулся всеми четырьмя лапами и протер свои бурые глаза, злые и некрасивые.

Да, некрасивые и злые — таково было общее мнение. Правда, говорили, что не только глаза Полосатого Кота выражали злобу, но также все его крупное тело, сильное и ловкое, желто-черной полосатой расцветки. Это был кот средних лет, уже не первой молодости, который любил побродить при луне под деревьями или по черепичным крышам, мурлыкая любовные песенки, конечно, насмешливые или дерзкие. Никто не мог представить его поющим нежные, романтические мелодии. В округе не было существа более эгоистичного и необщительного, чем Полосатый Кот. Он не дружил с соседями и почти никогда не отвечал на редкие приветствия, которые из страха, а не из уважения, адресовали ему некоторые прохожие. Он только цедил сквозь зубы злые насмешки, как будто все вокруг раздражало его. А жизнь рядом с ним, то спокойная, то бурная, была поистине удивительна. Распускались благоухающие бутоны, превращаясь в лучезарные цветы, взмывали ввысь птицы, издавая радостные трели, голуби ворковали о любви, выводки новорожденных цыплят сбегались на зов гордой хохлатки, Черный Селезень, купаясь в прозрачных водах озера, ухаживал за красивой Белой Уточкой, шаловливые щенки резвились, прыгая по газонам. Но никто не подходил к Полосатому Коту: даже цветы закрывались при его приближении. Говорили, что он каждый раз сбивал с ног ударом лапы скромную белую лилию, в которую были влюблены все тюльпаны. Конечно, доказательств не было, но кто ставит под сомнение дурной нрав Кота?

Едва завидев полосатую кошачью спину, птицы взмывали вверх: ходили слухи, что Полосатый Кот был тем самым злодеем, который выкрал из гнезда птенца Сабии.² Мамаша Сабия, не найдя в гнезде своего сына, покончила жизнь самоубийством, пронзив грудь колючкой мексиканского кактуса. Похороны были очень печальные, много проклятий было сказано в тот день в адрес Полосатого Кота.

Доказательств тоже не было, но кто другой мог сделать это? Достаточно взглянуть в глаза котенку, чтобы увидеть убийцу.

Отвратительные животные!

Голуби никогда не любезничали вблизи того места, где жил Кот, они были почти уверены, что именно он съел самую красивую горлицу на голубятне, и с тех пор один почтовый голубь навек потерял интерес к жизни.

И на этот раз никто не мог представить доказательств, это правда, но, как сказал Преподобный Попугай, кто еще мог совершить подобное, как не этот злодей, нехристь, каторжник. Мамаши-курицы учили своих золотистых цыплят, как можно избежать встречи с Котом, в чьих преступных лапах — это все утверждали — погибало множество цыплят (не говоря уже о яйцах, которые он крал, чтобы насытить свою гнусную утробу.) Только Черный Селезень не очень-то боялся его, так как этот котище не любил озера, столь милого сердцам уток и селезней.

Щенки попытались было заигрывать с Полосатым Котом. Но он расцарапал им морды, и они, оскорбившись, оцетинились и обругали его семью и род, всех близких и дальних родственников до десятого колена. Отвратительный Кот! Злой и эгоистичный. Под утро он ложился на траву, чтобы Солнце погрело его, но как только Солнце появлялось из-за горизонта, он тут же уходил куда-нибудь в тень, неблагодарный. Очень долго одна Гуява³ с корявым стволом питала иллюзии, будто Кот любит ее, и бахвалилась этим перед всеми обитателями парка. Это пришло ей в голову только потому, что иногда он, гибкий, с чувственным телом, приходил и драл когтями ее сучковатый ствол. Гуява, слывшая оригиналкой, была польщена таким вниманием со стороны Полосатого Кота, личности сложной и довольно знаменитой. И вот она нашла хирурга, специалиста по пластическим операциям, и избавилась от всех сучков и наростов, покрывавших ее ствол, чтобы стать красивой для Полосатого Кота.

Она ждала его, любуясь своим гладким и чистым стволом. Но когда Кот увидел, что не сможет теперь точить когти об этот гладкий ствол без сучков и наростов, он повернулся к Гуяве спиной и больше ни разу не взглянул на нее. Некоторое время Гуява была излюбленной мишенью для глупых шуток всех обитателей парка. Даже Старая Сова, которая жила на жакейре⁴, рассмеялась, когда ей рассказали эту историю.

Чтобы быть до конца точным, должен сказать, что Полосатый Кот и виду не подал, будто знает, как к нему относятся обитатели парка. Если он и знал, то не придавал этому никакого значения, но вполне возможно, что он и не догадывался, сколь плохо отзывались о нем окружающие, так как

ни с кем, кроме Старой Совы, не разговаривал. А Сова, мнение которой, по причине ее почтенного возраста, ценилось очень высоко, утверждала, что Кот вовсе не такой плохой, только никто не принимал этого всерьез: все слушали, качали головами, но, несмотря на уважение, которое они питали к Сове, по-прежнему избегали Полосатого Кота.

Так он и жил, когда в парк пришла Весна, принеся с собой суматошное изобилие цветов, запахов и мелодий: цветов радостных, запахов пьянящих, мелодий звучных. Полосатый Кот спал, когда Весна неожиданно и властно вторглась в парк. И присутствие ее ощущалось так сильно, так будоражило кровь, что Кот пробудился ото сна, раскрыл свои бурые глаза и потянулся.

Черный Селезень, который был случайным свидетелем этой сцены, чуть не лишился дара речи от изумления, так как ему показалось, что Полосатый Кот... улыбается. Не отрывая от Кота удивленного взгляда, он позвал маленькую Белую Уточку посмотреть на это чудо:

— Тебе не кажется, что он улыбается?

— Господи! Действительно улыбается.

Никогда прежде не видели они ничего подобного. Маленькая Белая Уточка даже схватилась за сердце, так была она поражена этой улыбкой на хищной физиономии Полосатого Кота. Он улыбался не только губами, но, что было всего удивительнее, улыбались его бурые, обычно неприветливые глаза.

Неожиданно он принялся кататься по земле, как какой-нибудь молодой, несовершеннолетний котенок, издавая при этом странные звуки, очень похожие на мурлыканье.

Пестрая Курица, которая как раз проходила мимо с выводком золотистых цыплят, вскрикнула и упала без чувств на руки своих детей. Петух Дон Жуан де Род-Айленд, бежавший куда-то по своим делам, увидел происходящее и встал как вкопанный. Надо сказать, что Пеструшка была любимой курицей в его гареме. Поэтому он помог ей подняться и издал клич, воинственный и звучный, как гром фанфар.

В это самое время Кот в последний раз прокатился по траве и мяукнул.

Бог мой! Это было романтическое мяуканье. Невозможно! Род-айлендский Дон Жуан поперхнулся, и полная тишина воцарилась в парке в тот час, когда туда пришла Весна. Не было слышно даже нежного воркования голубок, так все были удивлены неожиданным поведением Полосатого Кота.

— Я думаю, он сошел с ума, — поставил диагноз Лист Подорожника, пользовавшийся репутацией известного врача.

— Он готовит какую-то новую подлость, — прокудахтала Пестрая

Курица, уводя за собой цыплят и Род-айлендского Дон-Жуана.

Между тем Полосатый Кот поднялся, потянулся всеми четырьмя лапами, выгнул спину, поднимая дыбом шерсть, чтобы больше впитать солнечного тепла, такого ласкового, раздул ноздри, вдыхая новые запахи, носившиеся в воздухе, и даже не согнал со своей физиономии, обычно злой и некрасивой, добродушной улыбки, обращенной ко всему живому и неживому вокруг.

Да, он встал и пошел. И тут началось великое бегство: Черный Селезень нырнул вместе с маленькой Белой Уточкой на самое дно озера и затем, побив все свои прежние рекорды по подводному плаванию, выплыл у противоположного берега, где был со своей женушкой в безопасности.

Все голуби попрятались на голубятне, прервав любовные воркования в ветвях деревьев, где набухшие зеленые почки прямо на глазах превращались в напоенную тенью листву.

Собаки перестали бегать и прыгать, делая вид, что они очень заняты поисками спрятанных костей. Распускаясь бутоны мгновенно вновь сомкнули свои венчики, а одна чересчур торопливая роза, которая уже распустилась, сбросила все лепестки на землю, и только один, по воле ветра, все кружил и кружил в воздухе.

Конечно, эта суматоха подняла ужасный шум, который и привлек внимание Полосатого Кота. Он никак не мог понять, почему все куда-то бегут, когда так красиво вокруг в этот час, когда в парк пришла Весна. Ведь сейчас нет грозы, не дует холодный ветер, срывающий листья с деревьев, и дождь, рыдая, не обрушивается на крыши домов. Как можно убежать и прятаться, когда Весна принесла с собой радость жизни. Или это Гремучая Змея осмелилась приползти в парк? Он поискал ее глазами. Если это так, то он еще раз покажет ей, как воровать яйца, вытаскивать птенцов из гнезд, убивать цыплят и голубок! Но нет, Змеи нигде не было. Полосатый Кот задумался. И вдруг понял, что все убежали, потому что они испугались его самого, его улыбки, его мурлыканья. Печальное это было открытие. Сначала Полосатый Кот нахмурился, но потом лишь махнул хвостом, выражая полное равнодушие к происходящему. Это был гордый кот, не придававший значения мнению окружающих. Он даже подмигнул, немного неестественно, Солнцу, и жест этот, уж совсем неожиданный, так удивил огромный Камень, который уже несколько тысячелетий жил поблизости, что тот, не помня себя, скатился в заросли кустарника.

Полосатый Кот полной грудью вдохнул аромат молодой Весны. Ему было легко и радостно, хотелось смеяться, брести куда-нибудь наугад и даже... поговорить с кем-нибудь. Он оглянулся еще раз, но никого не

увидел. Все убежали. Нет, не все. С ветки какого-то дерева на Кота смотрела Ласточка Синья и улыбалась ему.

Издали Ласточку звали к себе ее родители, крича истошными голосами.

И, высунувшись из своих нор, все обитатели парка следили за Ласточкой, улыбавшейся Полосатому Коту. А вокруг была Весна, мечта поэтов.

Опять скобки, представляющие Ласточку Синью.

(Когда она пролетала мимо, веселая и шаловливая, то в парке не было ни одного пернатого существа мужского пола, достигшего совершеннолетия, которое не влюбилось бы в нее. Она была еще очень юной, но, где бы она ни появлялась, тотчас разбивала сердца всем молодым обитателям парка. Ей делали предложения, посвящали поэма. Соловей, знаменитый трубадур, пел серенады под ее окном. А она только улыбалась им всем, дружила со всеми, но не любила никого.

Не зная забот, она порхала по деревьям в парке, любопытная и разговорчивая, чистая душа. По общему мнению, ни в парке, ни во всей округе не было ласточки столь красивой и милой, как Ласточка Синья).

Весна в разгаре

Была Весна, мечта поэтов. И Полосатому Коту захотелось сказать что-то особенное, что-то очень хорошее Ласточке Синье. Он сел на землю, расправил усы и с трудом проговорил:

— Почему ты не убежала, как другие?

— Я? Убежала? Но я не боюсь тебя, а остальные просто трусы. Ты не сможешь меня поймать, у тебя ведь нет крыльев. Ты, котище, глуп даже больше, чем некрасив.

— Я некрасив? — Полосатый Кот рассмеялся смехом таким ужасным, что даже самые смелые деревья, такие как Красный Сандал, гигант, задрожали от страха.

— Она оскорбила его, и он ее убьет, — подумал старый Датский Дог.

Преподобный Попугай — преподобный потому, что одно время учился в семинарии, где зазубрил несколько молитв, да 2-3 фразы по латыни, чем заслужил лестную репутацию эрудита — зажмурил глаза, чтобы не быть свидетелем этой трагедии. Он сделал это по двум причинам: во-первых, он был слишком возбудим и не переносил вида крови, а крови такой красивой жертвы — тем более, а во-вторых, потому что не хотел выступать свидетелем, если дело дойдет до суда (ведь все знают: закон — что дышло) и ему придется выбирать между необходимостью сказать правду и испытать на себе последствия гнева Полосатого Кота, как-то: привлечение за клевету; несколько оплеух, разбитый клюв и кто знает, что еще, — или солгать и гореть на вечном огне, как соучастнику преступления.

Трудное положение, гораздо лучше совсем не смотреть. Так он и сделал, и, помолившись за упокой души Ласточки, пришел к полному примирению со своей совестью.

Сама Ласточка подумала, что переборщила, и, вспорхнув под грузом этих сомнений высоко на ветку, принялась очень кокетливо чистить перышки.

Полосатый Кот все еще улыбался, хотя и чувствовал себя оскорбленным. Но не потому, что Ласточка могла подумать о нем так же, как остальные обитатели парка, а потому что она назвала его некрасивым. А он-то считал себя красавцем-котом, элегантным к тому же.

— Ты находишь меня некрасивым? В самом деле?

— Безобразным! — издали подтвердила Ласточка.

— Я не верю. Только слепец может назвать меня некрасивым.

— Некрасивый и самонадеянный!

Но тут разговор прервался, так как прилетели родители Ласточки, поборов из любви к дочери свой страх перед Котом, и увлекли ее за собой, бранясь и читая нотации. Но Ласточка, улетая, еще успела крикнуть Коту:

— Пока, сеньор Страшила!

Вот с этого-то, немного глупого, разговора и началась история Полосатого Кота и Ласточки Синьи. По правде, история эта, для Ласточки по крайней мере, началась гораздо раньше. И в первой главе мне следовало рассказать, хотя бы вкратце, как жила Ласточка прежде, до этой первой своей встречи с Полосатым Котом, но так как я этого не сделал, пренебрегши старыми, добрыми законами классического повествования, то мне остается лишь прервать свой рассказ и вернуться в прошлое. Конечно, я признаю, что это не лучший способ рассказывать истории. Но моя забывчивость может быть отнесена на счет того смятения чувств, которое начинается с приходом весны у котов и поэтов.

Но лучше уж я буду утверждать, что сделал это намеренно, совершив таким образом революционный переворот в форме и структуре повествования, что обеспечит мне поддержку официальной критики и легионов специалистов-филологов.

Глава первая, отставшая и потерявшая свое место

Ласточка Синья, такая красивая, была немного сумасшедшей. Взбалмошной, лучше сказать. Хотя Ласточка еще посещала птичий университет — где Преподобный Попугай читал закон божий — и была столь юной, что ее уважаемые родители не разрешали ей гулять по вечерам с поклонниками, она уже считала себя достаточно взрослой и гордилась тем, что дружит со всеми обитателями парка: с цветами и деревьями, курицами и утками, собаками и камнями, голубями и озером. Она была со всеми очень приветлива, не отдавая себе отчета в чувствах, которые внушала мимоходом.

Сам Преподобный Попугай, который из кожи вон лез, превознося собственные добродетели, и считался чем-то вроде священника из-за своей учебы в семинарии, — даже он во время урока бросал на Ласточку похотливые взгляды.

Несмотря на все восторги и поклонения, в жизни Ласточки была какая-то тайна — это и есть причина того, что первая глава оказалась здесь, так как тайной этой был, безусловно, Полосатый Кот. Ее волновало это гордое и молчаливое существо. Она часто следила за ним, когда он спал или грелся на солнце в густой траве.

Спрятавшись в ветвях какого-нибудь дерева, она часами рассматривала его, думая о том, почему этот урод ни с кем не дружит. Конечно, она не слышала, что говорили о нем окружающие, но когда увидела его розовый нос и огромные усы, то (никто не знает почему) вдруг усомнилась в правдивости этих историй. Таковы ласточки, что уж тут поделаешь. И нет лучшего способа заставить их постичь истину, способа более простого и надежного, чем сомнение. Ласточки очень упрямы и руководствуются только своими чувствами. Полосатый Кот был единственной тайной в спокойной и ясной жизни Ласточки Синьи. Иногда Ласточка запевала одну из тех чудесных песен, которые она разучивала с Соловьем, и неожиданно прерывала ее, если замечала крупное тело Полосатого Кота (а иногда и предчувствовала его появление), бредущего в свой любимый угол. И тогда она тихонько следовала за ним, а однажды вечером, чересчур разыгравшись, стала бросать сухие веточки ему на спину. Кот спал, а

Ласточка, надежно укрывшись в густой листве жакейры, смеялась, когда веточки попадали в цель.

Полосатый Кот открыл один глаз и посмотрел вокруг. Но тотчас снова закрыл его, полагая, что это очередная дурацкая проделка Ветра. Уже давно понял Полосатый Кот, что нет никакого смысла гнаться за Ветром, пытаясь ударить его лапой. Гораздо умнее позволить ему наиграться вволю. Но сейчас шалость явно затянулась, и Кот решил уйти. Ласточка тоже улетела, взволнованная шуткой, которую она сыграла со злым Котом. В тот же день у Ласточки состоялся памятный разговор с Комолой Коровой. Я не случайно упоминаю здесь о Комолой Корове, так как речь идет об одной из самых замечательных обитательниц парка. Она пользовалась почти таким же уважением, как и Старая Сова.

Речь идет о персоне неторопливой, очень рассудительной и немного важной, что объясняется всеми теми внушительными титулами, которыми она обладала. Она происходила от быка аргентинской породы и звалась Рашель Пусио. Кроме того, у нее был мстительный характер и непостоянное чувство юмора.

Она была очень приветлива с теми, кто ей нравился: четой уток, например, поддерживая с ними сердечные, дружеские отношения, но груба и резка с теми, кого не любила: Мясной Мухой, собаками и, конечно, с Полосатым Котом. Она не любила Полосатого Кота, так как, будучи лицом чрезвычайно важным, к тому же почти иностранкой, она считала себя оскорбленной этим жалким представителем породы кошачьих.

Надо сказать, что, несмотря на всю свою осторожность, Комолоя Корова была склонна к иронии. Однажды, столкнувшись с Полосатым Котом на скотном дворе, куда он пришел, конечно, в надежде украсть немного молока. Комолоя Корова сказала ему полуиронически-полупрезрительно, на смеси испанского с португальским:

— Un tipo tan chiquito у уа⁵ с усами.

А Кот с явным и непростительным неуважением к такой известной персоне, имел наглость сказать:

— Такая большая тетя и без лифчика!

Корова хотела лягнуть его хорошенько, но Кот уже ушел, зло смеясь в душе. Все в парке сочли, что Корова была ужасно оскорблена, и вечером ее посещали целыми семьями, выражая свою солидарность. Комолая Корова была безутешна и плакала навзрыд.

Душой общества был Преподобный Попугай, который в ту ночь основательно напился и забавлял всех анекдотами, которых он нахватался на кухне в семинарии. Даже Комолая Корова перестала рыдать и улыбнулась, правда, потом она опять заплакала, но уже не так горько.

Когда Ласточка рассказала Корове, каким образом она развлекалась в тот вечер, Корова пожалела, что вместо сухих веточек Ласточке не подвернулся под руку хорошенький булыжник, чтобы раз и навсегда избавиться от противного Кота.

Но когда Ласточка ужаснулась подобной кровавой расправе и призналась, что бросала в него веточки только для того, чтобы завязать разговор с Котом, удивлению Коровы не было границ:

— *Hablar com el gato? Piensas, loquita, en hacerlo, в самом деле? Por dios, no seas tonta!*⁶

Знание испанского не только создавало ей положение в обществе, но и утомляло. И как утомляло! Поэтому она продолжала по-португальски.

— Разве ты не знаешь, что он Кот, противный Кот, и что никогда ни одна ласточка не может, не компрометируя честь своей семьи, не только поддерживать какие-то отношения, но даже здороваться с котом? Разве не знаешь ты, что многие, очень многие твои родственницы погибли в когтях таких же котов, как этот, полосатых или нет, — какая разница.

И она продолжала отповедь.

— Уж не собираешься ли ты, сумасшедшая Ласточка, нарушить давно учрежденные, веками освященные законы, нанести оскорбление друзьям, причинить горе родителям?

— Но он ничего мне не сделал...

— Он — кот, и к тому же полосатый!

— Ну и что, что кот, ну и что, что полосатый?! У него такое же сердце, как у всех нас.

— Сердце? — Комолая Корова завопила так, будто ее укусил слепень. — Кто сказал тебе, что у него есть сердце? Кто?

— Ну, я думала...

— Ты видела его сердце? Говори!

— Видеть не ви...

— Ах, так!

И она говорила еще очень, очень долго. Пересказала все слухи о Коте, вспомнила тот случай, когда он оскорбил ее, и еще раз прослезилась. И опять советы, предупреждения. Давать советы было одним из любимых занятий Комолой Коровы. Правила хорошего тона, законы здоровой нравственности и прочий хлам были ее коньком. Она объяснила, как надо вести себя молодой незамужней ласточке, что ей можно делать и чего нельзя. Выходило, что самое главное, чего делать нельзя, — это разговаривать с котами, тем более с Полосатым Котом. Ласточка выслушала ее, как примерная ученица, и опечалилась. Она не должна разговаривать с Полосатым Котом, она и так поступила дурно, думая об этом. Корова, должно быть, права, у нее такой опыт и такой внушительный и благородный вид. Только Ласточка, упрямец, так и не поняла, какой грех она совершила бы, поговорив с Котом.

Во всяком случае, она поклялась никогда больше не играть сухими ветками над желто-черной спиной Полосатого Кота и не думать о разговоре с ним. Но клятвы ласточек не дорого стоят, тем более ласточек молодых, пылких и любящих опасности. Я подозреваю даже, что, давая эту клятву, она уже знала, что не сдержит ее. Она по-прежнему следила за Котом, правда, не играла больше веточками, но ах! вовсе не из-за данного обещания, а из страха, как бы Кот не рассердился на проказницу.

Вот так и жила она до того самого часа, когда в парк пришла Весна.

Здесь-то и кончается первая глава, а мы вернемся к нашей истории, туда, где мы оставили ее из-за ошибки, вкравшейся в повествование, или, лучше сказать, из-за модного литературного приема.

Конец весны

Родители Ласточки хотели как следует отругать свою дочь. Но они были так взволнованы собственным героизмом, тем, что мужественно, лицом к лицу встретились с Полосатым Котом, чтобы спасти свое дитя — что не слишком бранились. И Ласточка-отец сказал Ласточке-матери:

— Мы любим нашу дочь, мы спасли ее.

И Ласточка-мать ответила:

— Мы хорошие родители, мы защитили нашу дочь.

Они смотрели друг на друга, не скрывая взаимного восхищения. Родители категорически запретили Ласточке приближаться к свирепому врагу.

Если уж клятвы молодой ласточки не имели никакой цены, то такие категорические запреты только будили в ней интерес и любопытство. Но не потому, что Синья была одной из тех ласточек, которым достаточно сказать: «Не делай этого!», чтобы они немедленно это сделали. Напротив, нежная и послушная, она очень любила своих родителей. Это была хорошо воспитанная, вежливая и добрая ласточка. Она соглашалась, когда ее убеждали в чем-то хорошем и добром, но никто и никогда не смог бы доказать ей, что поддерживать добрые отношения с Котом — грех или преступление.

И поэтому, опустив свою красивую головку на лепесток розы, который служил ей подушкой, она решила продолжить завтра прерванный разговор:

— Он некрасивый, но симпатичный, — прошептала она, засыпая.

Что касается Полосатого Кота, он тоже думал о Ласточке Синье в ту первую весеннюю ночь, положив голову на подушку. Но нет, как раз подушки-то у него и не было: кроме того, что кот был злой и некрасивый, он был еще и беден, как церковная мышь, и спал не на подушке, а на собственных лапах. Но Кот не страдал из-за отсутствия роскоши, потому что никогда и не знал ее.

Ему не хватало совсем другого: любви, нежности и, иногда... сосисок.

В тот день он вернулся домой поздно.

До самого вечера он бродил по парку не разбирая дороги, рвал когтями кору на деревьях, мяукал какие-то странные мелодии и чувствовал настойчивое желание пуститься в странствие по черепичным крышам, как бывало в далекой юности.

Чудесный аромат земли щекотал ему ноздри, и его большие усы беспокойно двигались. Он чувствовал себя таким молодым, что готов был поиграть с собаками. Он, наверное, так бы и сделал, если бы щенки, испугавшись, не убежали прочь. Желание это настолько выходило за рамки его обычного состояния скуки и равнодушия, что он прошептал самому себе: «Я болен».

Потом пощупал лапой лоб и заключил:

— У меня сильный жар.

А потом, уже ночью, улегшись наконец на старую бархатную тряпку — это и было его постелью — он посмотрел на какой-то цветок и в нем, как в зеркале, увидел огромные глаза Ласточки.

В лихорадочном бреду спустился он к озеру, чтобы напиться, и в водяных бликах он тоже увидел Ласточку, улыбающуюся ему. Он узнавал ее в каждой листке, в каждой капле росы, в каждом луче заходящего солнца и в каждой тени надвигающейся ночи. И в свете полной луны увидел он Ласточку, одетую в серебро, и промяукал ей свою скорбную песнь. Только глубокой ночью ему удалось наконец заснуть. Он видел сон — впервые за много лет — и сон этот был о Ласточке Синье. Неужели Полосатый Кот, этот общепризнанный злодей, влюбился?

Сейчас, когда он и Ласточка спят, и только Старая Сова бодрствует, позвольте мне пофилософствовать немного. Это — право, повсеместно признанное за рассказчиками историй, и я должен воспользоваться им, хотя бы для того, чтобы не нарушать заведенный порядок.

Я хочу сказать, что есть люди, не верящие в любовь с первого взгляда, другие, напротив, утверждают, что это и есть единственная истинная любовь.

Доводы и тех и других не лишены здравого смысла. Дело в том, что любовь дремлет в сердцах людей, но однажды она пробуждается и расцветает, будь то весной или в разгаре зимы. Правда, весной это гораздо легче, но это уже совершенно другой вопрос, не будем обсуждать его здесь. И вот внезапно, от случайного взгляда другого существа, любовь пробуждается в нашем сердце, и мы будто в первый раз осознаем ее, потому и называется она любовью с первого взгляда.

Вот такой была любовь Полосатого Кота к Ласточке Синье. Но не ждите, что я объясню Вам, что происходит в маленьком, но мужественном сердце Ласточки.

Я не настолько глуп, чтобы считать себя способным постичь сердце женщины, а тем более ласточки.

Подобные размышления, однако, вовсе не волновали Полосатого Кота

в ту ночь. По правде говоря, он не считал себя влюбленным. Такая мысль просто не приходила ему в голову. В молодости он страстно влюблялся каждую неделю, в основном по вторникам и охладевая к пятнице, потому что он был очень ленивым котом и оставлял субботу, воскресенье и понедельник для отдыха. Он разбил сердца несчетному количеству кошек всевозможных расцветок, одной серой крольчихе и одной молоденькой лисичке. Но это было так давно, что он не помнил уже ни имен, ни подробностей. Как я уже говорил, он одиноко жил в своем углу, нежась на солнце, наслаждаясь лаской легкого бриза или прохладой летнего вечера.

И вот пришла Весна и нарушила его покой. На следующий день, умываясь, он думал о Ласточке и вспомнил сон, который преследовал его всю ночь: он и Синья обсуждают вопрос о красоте и уродстве. Он усмехнулся: «Просто вчера я был болен», и решил больше не думать о Ласточке. Он отправился в свой любимый уголок, погреться на солнышке на старой бархатной тряпке. Жизнь в парке потекла своим чередом.

А Полосатый Кот лежал, как всегда, вытянувшись, чтобы ласковое весеннее солнце обволакивало все его крупное тело. Но, как ни странно, на этот раз он не закрыл глаза, хотя опыт подсказывал ему, что с закрытыми глазами можно гораздо полнее насладиться солнечным теплом и прохладой бриза.

Тем не менее, в этот второй день Весны глаза его были широко раскрыты и, более того, обращены к тому дереву, где накануне сидела Ласточка Синья.

Когда Кот понял, куда он смотрит, он пришел в бешенство.

Он отвел глаза в сторону и, тихонько насвистывая, попытался сосредоточиться на чем-нибудь другом. Он понаблюдал за щенками, бегавшими друг за дружкой (эти идиоты и не способны ни на что другое), посмотрел на деревья, покрывшиеся листвой, и даже на Попугая, читавшего утреннюю молитву.

Попугай стоял, прижав одно крыло к груди и закатив глаза.

Кот, увидев елейное, мистически-отрешенное выражение на его физиономии, не удержался и показал язык. Попугай, напуганный этим жестом, двусмысленным и грозным (а вдруг Кот облизывается?), прервал молитву и поприветствовал Кота:

— Добрый день, дражайший доктор Полосатый Кот. Как здоровьице? Слава богу, хорошее?

Кот не удостоил его ответом. Его глаза опять были прикованы к дереву, на котором вчера сидела Ласточка. И пока он смотрит туда, в надежде увидеть Ласточку, я объясню Вам этот некрасивый жест Кота. Дело в том,

что Полосатый Кот не любил лицемеров, а Попугай был само лицемерие.

Сова, которая как свои пять пальцев знала жизнь всех обитателей парка, однажды рассказала Коту, что местре⁷ Попугай, прикрываясь своей набожностью, никогда не упускал случая порезвиться. Он делал неприличные предложения и маленький Белой Уточке, и Пестрой Курице, и одной голубке, которую обучал катехизису. Даже самой Сове, без малейшего уважения к ее возрасту, он нашептывал непристойности. А этот случай с Голубгаем? О, об этом стоит рассказать.

Однажды у Почтовой Голубки родился странный сын: голубь, говорящий человеческим языком. А ведь Почтовый Голубь (большим умом, кстати, не отличавшийся) постоянно бывал в длительных командировках, разнося корреспонденцию по парку. Официально сын считался его, но Сова утверждала, что тут дело нечисто. Кто, кроме Попугая, говорил человеческим языком? Собаки понимают его, но говорить не могут. Кроме того, Попугай не выходил из дома Голубки в отсутствие мужа под предлогом «морального утешения». К счастью, у Почтового Голубя был хороший характер.

Полосатому Коту не было никакого дела до походов Попугая. Он никогда не принимал участия и в сплетнях о любовных приключениях Петуха, закоренелого многоженца и магометанина (которому тайно завидовало все мужское население парка), ежедневно пополнявшего свой гарем новой молодой.

Как голуби, однолюбы по убеждению, так и Черный Селезень, однолюб волею обстоятельств, потому что в парке была только одна утка, те и другие делали вид, что очень возмущены безнравственным поведением Петуха. Комолая Корова тоже не одобряла его поведения, осуждающе качая головой.

Только Полосатый Кот не придавал этому никакого значения. Он не испытывал отвращения к многоженцам. Но он был против лицемеров, таких притворщиков, как Попугай. Поэтому Кот и показал ему язык — оскорбительный и достойный осуждения жест.

Сообщая Вам такие подробности, я надеялся, что в это время к дереву прилетит Ласточка и сядет как раз напротив кота. Но она не прилетела, неблагодарная. И, вернувшись в парк, мы найдем нашего друга, Полосатого Кота, в ином, совсем не радостном расположении духа, столь не похожем на то, в котором мы его оставили. Он утратил беспечный вид и легкость, которую чувствовал накануне, и его большие усы свесились печально и безвольно.

(Опасный признак, если речь идет о Полосатом Коте. Усы были

«барометром» его настроения.)

Он опять, в который уже раз, посмотрел на дерево, но не увидел Ласточку. И тут тень этого дерева накрыла его большое тело. Бурые глаза помрачнели. Почему так болит сердце? Ведь вокруг Весна.

И вдруг он поднялся. Зачем? — Этого он и сам не мог объяснить. Может быть, чтобы посмотреть на солнце? Он поднялся и пошел, сам не зная куда. Но вдруг он понял, что ноги — неужели они не слушаются его? — сами принесли его к тому дереву, где жила семья Ласточки (должен сказать, что дерево это росло в противоположном конце парка). Родители Ласточки как раз улетели за пропитанием. Ласточка издали заметила Кота и, улыбаясь, ждала его. Полосатый Кот остановился под деревом и уставился на Ласточку. Только тут он понял, к кому он шел, не отдавая себе в этом отчета. Он взбесился — что я здесь делаю? — и решил немедленно уйти (черт! его лапы будто свинцом налились). А Ласточка звонко прощебетала ему:

— Почему Вы не здороваетесь со мной, плохо воспитанный сеньор?

— Здравствуй, Синья... — едва слышно пробормотал Кот.

— Сеньорита Синья, прошу прощения.

Но тут у него сделалось такое несчастное лицо (он становился еще некрасивее, когда грустил), что Ласточка смягчилась.

— Ну ладно, можешь называть меня Синья, если это тебе больше нравится, а я буду называть тебя... Страшила.

— Я же сказал тебе, что я не страшила.

— Вот это да! Какой самонадеянный! Да ты еще некрасивее, чем показался мне вчера. Рядом с тобой моя крестная мать, Сова, — настоящая красавица.

— В конце концов, что же мне здесь нужно, — думал Полосатый Кот, — эта молодая, едва достигшая совершеннолетия Ласточка не относится ко мне с должным уважением (неужели он хочет, чтобы Ласточка уважала его?) оскорбляет меня, называет уродом. Вот как доверять какой-то молоденькой Ласточке. Неужели она, всего лишь школьница, ученица Попугая, думает, что может вот так разговаривать с ним, серьезным, много повидавшим, считавшим себя выше и образованнее всех остальных обитателей парка и даже, несмотря ни на что, красивым котом?

Он решил уйти и никогда больше не разговаривать с этой дерзкой Ласточкой. (Ах, ноги его, как свинец, словно тонны свинца привязаны к ним).

Он еле выдавил из себя: «Пока...»

— Послушай, ты обиделся? Ты такой самовлюбленный, даже больше,

чем некрасивый.

(Какого черта, почему я здесь стою?) Теперь не только ноги не повиновались ему, рот тоже неожиданно расплылся в улыбке, тогда как сам Кот хотел остаться серьезным и суровым. Это какой-то заговор против него, Полосатого Кота.

А Ласточка непрерывно лепетала что-то, милая провинциальная девочка, чья молодость подчинила себе все вокруг:

— Не уходи, не нужно. Я не буду больше звать тебя страшилой. Теперь я буду называть тебя только красавцем.

— Мне этого тоже не нужно.

— Тогда как же?

— Котом.

— Котом нельзя.

— Почему?

— Мне нельзя разговаривать с котом. Коты — враги ласточек.

— Кто сказал это тебе?!

— Это правда, я знаю.

У Кота сделалось такое несчастное лицо, несчастнее не бывает. Ласточка Синья, которая любила радость и не выносила грусти, сказала тогда:

— Но ведь мы не враги, правда?

— Ни в коем случае!

— Значит, мы можем разговаривать. Но тотчас добавила:

— Сюда летит мой отец, уходи. Немного погодя я прилечу на сливу, чтобы поговорить с тобой, страшилище...

Кот засмеялся и забрался в густой кустарник, росший поблизости. Почему-то ему опять стало весело. Ловко пробираясь сквозь заросли кустарника, он вспоминал свой разговор с Ласточкой и будто вновь слышал ее мелодичный голос.

Она не может разговаривать с котом. Все коты такие плохие, некоторые были пойманы на месте преступления, когда пожирали ласточек, это правда. Но как можно быть таким злым, как можно съесть существо такое хрупкое и прекрасное, как Ласточка Синья?

Он уселся под цветущей сливой, а вскоре появилась и Ласточка, исполняя в воздухе фантастичный и прекрасный весенний танец. Вдали Соловей, провожавший ее взглядом, запел песнь любви, заполнившую весь парк Кот хлопнул в ладоши, когда Ласточка села на самую нижнюю ветку, почти рядом с ним. И они продолжили прерванный диалог, но я не буду приводить его здесь. Все их разговоры были немного похожи (как, впрочем,

и весь любовный лепет), немного скучны и стары, как наш мир. Скажу лишь, что они проговорили всю Весну, не испытывая недостатка в темах. Они постепенно узнавали друг друга, каждый день делая новые открытия.

Но они не только разговаривали. Вместе, он бежал по зеленой траве, а она летела по голубому небу, они блуждали по парку, отыскивая восхитительные укромные уголки, находили новые и новые нюансы в окраске цветов и в нежности ветерка, и радость всего мира поселилась в их сердцах, вернее, эта радость заполняла окружавший их мир, просто они не видели ее прежде. Потому что, уверяю тебя, читатель, — и зрячие иногда бывают слепцами, это зависит от того, какое сердце у каждого из нас. Ну, не хмурьтесь, может быть, к Вам это как раз не относится.

И вот однажды утром Кот спросил у Ласточки:

— Что изменилось в тебе со вчерашнего дня? Сегодня ты еще красивее, чем вчера, и даже красивее, чем все эти ночи, когда я видел тебя во сне.

— Расскажи мне твои сны. Я не буду рассказывать свои, потому что вижу все время одну и ту же отвратительную личность: я вижу во сне тебя...

И они рассмеялись. Глухой смех злого кота и серебристый голосок

Ласточки слились в прозрачном воздухе.

Вот так бывает Весной.

Лето

Это очень короткая глава: быстро промелькнуло лето, с его пылающим солнцем и полными звезд ночами.

Счастье всегда быстротечно.

О, время — сложная штука. Когда мы хотим, чтобы оно подождало чуть-чуть, не бежало бы, не торопилось, оно несется во весь опор, обгоняя часы. Когда мы хотим, чтобы оно летело быстрее, чем мысль, потому что мы страдаем, потому что для нас настали черные дни, оно тащится, как на собственную казнь. Коротким было это Лето для Кота и Ласточки. Они заполнили его долгими прогулками, беседами в тени деревьев, улыбками, нежным шепотом, робкими, но страстными взглядами и даже... размолвками. Не знаю, были ли у них ссоры в полном смысле этого слова. Но иногда Ласточка находила Кота печальным, с поникшими усами, и глазами, как никогда бурыми. Причина была одна и та же: Ласточка уходила с Соловьем, разговаривала с ним или брала уроки пения — Соловей был преподавателем. Ласточка не понимала поведения Полосатого Кота, его грусти, его упорного молчания. Ведь она и Кот не обменялись еще ни единым словом любви, а с другой стороны, Ласточка относилась к Соловью как к брату.

Однажды, когда урок затянулся дольше обычного, а усы Кота поникли до самой земли, — Ласточка прямо спросила о причине его грусти.

— Если бы я не был Котом, я бы просил тебя стать моей женой... — ответил Полосатый Кот.

Ласточка не нарушила ответом тишину этой ночи. Что же, это было неожиданностью для нее? — не верю, она уже догадалась, чем стала она для Полосатого Кота.

Она была обижена? — Тем более не верю, эти слова были приятны ее сердцу. Она испугалась. Ведь он — Кот, а коты непримиримые враги ласточек.

Она летела рядом с Котом, слегка касаясь его левым крылом, и Кот слышал, как бьется маленькое сердце Ласточки.

И вот она набрала высоту и издали еще раз посмотрела на него.

Это был последний день лета.

Опять в скобках: сплетни.

(Шептала Комолая Корова на ухо Попугаю: "Где это видано, ну где

это видано, чтобы Ласточка из семейства пернатых любезничала с Котом из семейства кошачьих? Где это видано, ну где это видано?

И Попугай шептал на ухо Комолой Корове: «Где это видано, о святой Отец, чтобы Ласточка ходила с Котом в укромные уголки; Пресвятая Дева Мария, это все говорят, но я не верю, не верю. Слава Господу нашему, но, может быть, может быть, спаси и сохрани Пресвятая Богородица, он хочет жениться на ней? Господи, помилуй, черт бы его побрал! Аминь».

И Голубь шептал Голубке: «Где это видано, чтобы Ласточка, красивая Ласточка, сумасшедшая Ласточка, гуляла с Котом? Ведь есть закон, старый закон: голубь с голубкой, селезень с уткой, птица с птицей, а кот с кошкой. Где это видано, чтобы Ласточка собиралась выйти замуж за Кота?»

И Голубка шептала Голубю: «Это конец света, как изменились времена. Нет уважения ни к одному закону».

И пес шептал на ухо своей подружке: «Бедная Ласточка, она дружит с Котом, она и не подозревает, что он только ждет удобного случая, чтобы съесть ее».

И собачонка отвечала, качая головой: «Кот такой злой, он хочет съесть Ласточку».

И Селезень говорил Утке: «Я осуждаю поведение этой безумной Ласточки. Это опасно, аморально и некрасиво. Она разговаривает с Котом так, будто он никогда и не был Котом. А ведь это Полосатый Кот, прирожденный убийца».

И Утка отвечала Селезню: «Утка с селезнем, голубь с голубкой, петух с курицей, ласточка с ласточкой, а кот с кошкой».

И деревья шептали Ветру: «Ну где это видано, ну где это видано, где это видано?»

И цветы смущались и лепетали на ухо земле: «Ласточка не может, не может выйти замуж, за кота замуж». И хором тянули: «Это страшный грех!»

Отец Ласточки услышал эти сплетни, и мать Ласточки услышала эти сплетни. И ласточкин отец сказал сердито ее матери: «У нас плохая дочь, она гуляет с Полосатым Котом».

И мать Ласточки ответила: «Наша дочь такая глупая, нужно выдать ее поскорее замуж».

— Замуж, но за кого? — спросил отец.

— За Соловья, он уже сделал нам предложение.

И весь парк одобрил этот выбор: «Отличная пара для Ласточки. Соловей благороден и красив, к тому же из семейства пернатых, вот за

*него Ласточка может выйти замуж. Но только не за Полосатого Кота:
ласточка и кот — ну где это видано?»*

И Попугай сказал: «Трижды аминь!»)

Осень

На следующий день пришла осень, обнажая деревья. Ветру стало холодно, и, чтобы согреться, он шумно кружил по тропинкам парка. Осень притащила за собой целый шлейф облаков и раскрасила ими небо в пепельный цвет. И, что, конечно, понимает просвещенный и чуткий читатель, в парке не было ни одного уголка, который не изменился бы со сменой сезона. Также и отношение обитателей парка к Полосатому Коту претерпело заметное изменение. Не то, чтобы они перестали ненавидеть его, или простили ему прежние обиды, нет. Но теперь они не боялись его, потому что поведение Кота подтвердило все сплетни о его женитьбе на Ласточке, сплетни, которые из боязливого шушуканья выросли в настоящий ропот. Вспомним, как раньше все дрожали, едва Полосатый Кот открывал глаза. Почему же теперь они не боялись его и почти открыто обсуждали его прогулки с Ласточкой?

А дело в том, что Кот всю весну и лето жил спокойно и счастливо. Он больше не угрожал ничему живому, не сбивал лапой цветов, не оцетинивался, когда к нему приближался кто-нибудь посторонний, не отпугивал и не оскорблял собак. Он вдруг стал воспитанным и приветливым, первый здоровался с обитателями парка, он, который никогда раньше не отвечал на робкие «добрый день», адресованные ему.

Риску даже утверждать, что в это время в его душе росли хорошие и благородные чувства. Это смелое предположение подтверждается отважным поведением Кота, который не сбежал, как все прочие, когда в парк заползла Гремучая Змея (это самое яркое, но не единственное доказательство).

Итак, когда Гремучая Змея появилась в парке, все живое попряталось, даже Датский Дог, который всегда бахвалился своей храбростью.

Только Полосатый Кот не спрятался. Он набросился на Змею, сумел уклониться от ее смертельного броска и надавал таких оплеух, что она убежала без оглядки и ни разу не вернулась в парк. Но только Ласточка превозносила подвиг Полосатого Кота. Остальные утверждали, что он сделал это только для того, чтобы выделиться, покрасоваться своей храбростью. Комолая Корова пожалела даже, что у Змеи такой неточный удар. Попугай оценил поведение Полосатого Кота как «примитивную показуху». Итак, Кот по-прежнему считался существом злым и

необщительным. Но, обсудив его необычное поведение, обитатели парка пришли к выводу, что опасным Кот уже не был. Он, должно быть, стареет, теряет силы и поэтому хочет реабилитироваться. У Попугая, корыстной души, появилась надежда стать близким другом Кота и использовать его против своих врагов, против тех, например, кто говорил гадости за его спиной. Полосатый Кот еще терпел присутствие Попугая (как-никак этот лицемер был учителем Ласточки), но не допускал никакой фамильярности. Тогда Попугай, оскорбленный поведением Кота, распустил слухи, объясняющие нынешнее благородство Кота: якобы тот страдает неизлечимой болезнью и, находясь у врат смерти, вымаливает прощение за свои грехи.

Но не следует расценивать поведение всех обитателей парка, как врожденную черствость души: дурная слава Кота была слишком давней и укоренившейся. Разве могли они понять, что Кот изменился потому, что в его жизнь вошла Ласточка? Им ли постичь, что под грубой оболочкой, под спутанной шерстью Полосатого Кота бьется нежное сердце?

Такое нежное, что тот, первый, только родившийся день Осени застал Полосатого Кота за необычным занятием: он писал стихи. Накинув толстый шерстяной плед (Кот сильно мерз), он считал по пальцам слоги и искал рифмы в большом словаре, составленном знаменитым грамматистом Муравьевом, лауреатом национальной премии и академиком. Да, Кот даже написал сонет. У меня есть копия этого единственного литературного произведения Полосатого Кота, существа всегда прежде стоявшего в стороне от подобных глупостей. Этот сонет, как пример наимерзейших виршей, какие только можно вообразить, дала мне Жаба Куруру, посвящавшая часы досуга литературной критике. Иначе говоря, Жаба Куруру обнаружила чудовищный плагиат в коротком произведении Полосатого Кота. Никто не подвергает сомнению утверждение Жабы Куруру, бесспорного авторитета, но чтобы читатель сам мог судить о достоинствах сонета и обвинении в плагиате, выдвинутом против Полосатого Кота, я приведу ниже его стихотворение.

Однако я не могу сделать это в основной части моей истории, потому что это, в конце концов, не сборник стихов, тем более отвратительных плагиатов, а история, которую Ветер рассказал Заре, а Заря — Старику-Времени, чтобы получить голубую розу. Поэтому я опять открываю скобки, на этот раз — поэтические. Об одном прошу: не судите строго Полосатого Кота. Подумай, читатель, о том благородном порыве, который заставил его коснуться струн вдохновенной лиры, вопреки отсутствию таланта и литературного опыта.

Не только плед защищал от холода Полосатого Кота в то утро лирического вдохновения, его защищала любовь.

Поэзия живет не только в стихах, иногда она живет в сердце, а любовь не всегда можно выразить словами.

Скобки поэтические.

(Сонет несчастной любви Моей повелительнице Ласточке Синье.

О, Ласточка Синья.
О, Ласточка Синьо,
Ласточка взмахнула крыльями
и улетела далеко.
Печальна жизнь моя, печальна.
Не умею я ни петь, ни летать,
Ни сонеты сочинять.
Очень Ласточку люблю я
И хочу на ней жениться
Только Ласточка не хочет,
Выйти замуж за меня не может,
Потому что я — Полосатый Кот, ай!
Полосатый Кот).

Чтобы у читателя были основания для окончательного суждения, я опять открываю скобки, на этот раз — критические.

Возможно, читателю покажется странным, что мой рассказ так часто прерывается разного рода включениями, позволяющими автору в это время валять дурака: кто знает, спать или влюбляться — и в то же время получить славу и деньги, помещая в тех местах, где раздражение читателя мелким шрифтом или отсутствием всякого смысла достигает предела, глубокомысленные высказывания Жабы Куруру, академика, знаменитого критика, профессора социологии.

Местре, Вам слово.

Скобки критические.

Записка, полученная автором от Жабы Куруру, профессора университета.

(Обсуждаемое литературное произведение чрезвычайно бедно в плане содержания и в то же время изобилует бесчисленными недостатками художественной формы. Язык произведения далек от литературной нормы; грамматические конструкции не подчиняются канонам высокой

поэзии прошлого; стихотворный размер, чья строгость необходима, часто нарушается; рифма, которая должна бы быть миллионершей, — чрезвычайно бедна в тех случаях, когда автор предоставляет нам редкую возможность лицезреть ее. Особенно непростителен тот явно преступный факт, что первое четверостишие вышеупомянутого сонета — всего лишь жалкий плагиат вульгарной карнавальной песенки, которую я привожу здесь:

"Таракашка йайб,
Таракашка йойу
Таракашка взмахнула крыльями
И улетела далеко..."

Плагиатор, которого я только что вытащила за уши и поставила перед судом общественного мнения как вора, коим он и является, не удовлетворился только списыванием, он подражает низкопробным виршам презренной черни.

Если уж умственные способности нашего «автора» настолько слабы, что он не в силах овладеть изысканными законами поэтического творчества, то списывал бы уж, по крайней мере, у таких великих мастеров как Гомер, Данте, Виргилий, Мильтон или Базилио де Магальяэнс.

Жаба Куруру, профессор)

Продолжение осени

Покритиковав, обсудив и оценив сонет Полосатого Кота, вернемся к нашей истории, но это вовсе не значит, что мы тотчас забудем о сонете. Ведь я процитировал его здесь не случайно, а потому, что он имеет прямое отношение к разворачивающимся событиям.

А случилось вот что: в последний день Лета, после той сцены между Ласточкой и Котом, свидетелями которой мы были, у Кота был длинный разговор с Совой. Как я уже говорил, из всех обитателей парка только Сова по достоинству ценила и уважала Полосатого Кота.

В тот вечер Ласточка больше не прилетала. Кот пытался понять, что происходит с ней, какие противоречивые чувства терзают ее маленькое сердце.

Исполненный одиночества и печали, Кот решил посоветоваться со Старой Совой.

Она только что очнулась от старческой дремоты и раскрыла глаза навстречу Ночи, своей верной подруги. Кот уселся под веткой жакейры рядом с Совой и поначалу поговорил о совершенно посторонних предметах. Но Сова, старая вещунья, сразу поняла, что привело к ней Полосатого Кота. Она была откровенна с Полосатым Котом и не только пересказала ему все сплетни (которые взбесили Кота до умопомрачения), но и выразила свое мнение по этому вопросу.

«Мой добрый друг, этого не может случиться. Как могло прийти в голову, что Ласточка примет тебя как мужа? Такого никогда не бывало. Даже если бы она любила тебя, но кто сказал тебе об этом? — даже тогда она никогда не вышла бы за тебя замуж. Так уж устроен этот мир: ласточкам запрещено выходить замуж за котов. Этот запрет — больше чем закон, он уже пустил глубокие корни в сердцах ласточек. Ты говоришь, она любит тебя, и все зависит только от твоего желания. Может быть, это и так, но закон ласточек все же сильнее ее, потому что закон этот живет в ней с самого древнего ее предка, с самой первой ласточки. И чтобы нарушить этот закон, нужна революция... — и заключила, качая головой, — А впрочем, хорошо бы произошла какая-нибудь ма-а-а-аленькая революция. Она нужна нам».

Полосатый Кот ничего не сказал на это. Ни того, как он любит Ласточку, ни того, как мечтал он долгими бессонными ночами, лежа на

рванной бархатной тряпке, о ее близости и тепле.

Он совсем забыл, что ласточки спят в своих гнездышках на деревьях, а коты — на старых тряпках, положив под голову лапу. Кот простился с Совой и ушел, так ничего и не сказав ей. А вернувшись домой, он написал свой знаменитый сонет. За этим занятием он провел всю ночь и часть утра следующего дня. Результат этих трудов — произведение, которому мы уже вынесли свой приговор.

Несмотря ни на что, в тот первый день Осени Полосатый Кот встретился с Ласточкой. Она была очень серьезна, не улыбалась, будто разом утратила жизнерадостность, главную свою прелесть.

Полосатый Кот тоже не старался скрыть своей грусти: в самое сердце ранили его слова Совы. Вот так, молча, вновь обошли они те места, где гуляли Весной и Летом. Иногда то он, то она роняли бессвязное слово, но у обоих был такой вид, будто они хотят избежать какого-то тягостного, но необходимого разговора.

И вот пришел час расставания. Кот вручил Ласточке сонет. Она взмыла ввысь, но все оглядывалась и оглядывалась назад, будто хотела еще раз, последний раз посмотреть на него. И в глазах ее стояли слезы.

На следующий день — ах, это был самый длинный день Осени — Ласточка не появилась. Сначала он все ходил вокруг того дерева, где жила ее семья, но не увидел ее. А вечером Кот вспомнил о парковых сплетнях и сперва разделался с Черным Селезнем, затем до полусмерти напугал Попугая (который как раз читал вечернюю молитву), расцарапал морду Датскому Доггу, украл яйца из курятника, но не съел их, а — какая жестокость! — выбросил в поле. Ужас перед Полосатым Котом опять поселился в парке, и громкие сплетни заглохли, превратившись в робкое шушуканье. А еще через день Почтовый Голубь принес ему письмо (о, где взять силы, чтобы прикоснуться к нему?). Кот прочел его столько раз, что помнил уже наизусть. Печальное письмо, окончательное решение Ласточки Синьи:

«Ласточка не может выйти замуж за Кота».

Она писала, что они не должны встречаться, но те часы, которые она провела с Полосатым Котом, были единственным счастьем в ее жизни, и закончила так:

«Всегда твоя Синья».

Она дала клятву не встречаться с ним больше. Но, как я уже говорил и повторяю сейчас, клятвы ласточек не дорого стоят. Они опять гуляли по парку, забредая в те укромные уголки, что открыли для себя этой Весной. Только теперь они почти не разговаривали, будто какая-то невидимая стена встала между ними. Вот так они провели эту Осень, время, окрашенное в серый цвет, когда деревья теряют листву, а небо — свою лазурь.

Так как все в парке опять сторонились Кота (он жил в уединении, ни с кем не разговаривая), то он и не знал, что в доме Ласточки работало шесть пауков — портных, готовивших приданое юной невесте. Бракосочетание Соловья и Ласточки было назначено на начало декабря. В последний день Осени, день дождливый и туманный, наполненный воющим от холода ветром, Ласточка захотела пройтись по всем местам, которые они полюбили за эту Весну и Лето. Она была необычно шумна и разговорчива, нежна и кокетлива, будто неожиданно сломала преграду, отделявшую ее от Полосатого Кота, будто исчезла вдруг пропасть между ними. Она стала прежней Ласточкой, какой была Весной и Летом, немного взбалмошной, и Полосатый Кот не мог налюбоваться ею. Они гуляли до самой ночи. И вдруг она сказала, что выходит замуж за Соловья, потому что, ах!.. потому что ласточка не может выйти замуж за кота. И, как это бывало не раз, Ласточка летела рядом с Котом, касаясь его левым крылом — так она ласкала его — но сейчас Кот не слышал биения ее маленького сердца, так слабы были его удары. Она улетела, не оглянувшись.

Зима

Эта глава должна быть грустной, потому что начало Зимы стало временем скорби для Полосатого Кота.

Но к чему говорить о предметах печальных, о злости Полосатого Кота на весь белый свет, о чем сообщают письма жителей парка своим соседям. Эти новости дошли даже до удаленного жилища Гремучей Змеи, и она задрожала от страха. Все говорили о злости Полосатого Кота, но говорили и о его одиночестве.

Полосатый Кот не сказал никому ни единого слова. Такое полное одиночество взволновало Чайную Розу, которая сказала по секрету Жасмину, своему новому возлюбленному:

— Бедняга! Он так одинок, у него нет никого в целом мире.

Но Чайная Роза ошиблась. Напротив, у него был целый мир: мир воспоминаний, сладостных грез, прошедших радостей. О нет, он не был счастлив, он страдал. Страдал, но еще не отчаялся, живя в прошлом, вспоминая то, что дала ему любовь раньше. Но счастье не может жить только воспоминаниями, ему нужна надежда на будущее.

И вот в середине декабря, в тот день, когда светило мягкое зимнее солнце, состоялась свадьба Соловья и Ласточки. Был большой праздник и богатое угощение, много сластей и шампанского. Гражданская церемония состоялась в доме невесты. Петух был судьей и произнес пламенную речь о добродетелях и обязанностях хорошей жены, особенно подчеркивая верность жены мужу. О верности мужа жене он не заикнулся. Он был магометанином, но не ханжой, все знали, что у Петуха целый гарем. Церковный обряд состоялся на апельсиновом дереве в самой красивой часовне парка.

Преподобный отец Урубубу специально прилетел из далекого монастыря, чтобы совершить религиозный обряд. Попугай был ризничим и ночью напился до полусмерти. Проповедь Урубубу была волнующей: мать Ласточки плакала навзрыд. В тот момент, когда свадебный кортеж всей стаей покидал часовню, Ласточка увидела Кота, такого одинокого в своем углу. Не знаю, как ей это удалось, но она изменила вдруг полет и бросила на лапу Полосатого Кота лепесток алой розы из своего букета. Лепесток упал ему на лапу, как капля крови.

Чтобы эта история закончилась счастливо, мой долг — описать

праздник в честь Ласточки Синьи. Может быть, даже пересказать все анекдоты, которыми Попугай развлекал гостей. Явились все обитатели парка, кроме Кота, конечно.

Заря описала Старику-Времени этот праздник в деталях: наряды гостей, угощения, украшения залы. Но все это читатель может вообразить сам, по собственному вкусу. Скажу только, что там был птичий оркестр, и его звучные мелодии достигли ушей Полосатого Кота, такого несчастного в этот час. Теперь у него не было прошлого, не было будущего, не было мечты, не было любви. Ночь без звезд, свадебная ночь Ласточки. Лишь алый лепесток у сердца, капля крови.

Ночь без звезд

Музыка отзывается болью в его сердце. Для новобрачных — свадебный марш, для Полосатого Кота — погребальный звон. Не выпуская из лап лепесток розы, он в последний раз обвел взглядом зимний парк и медленно пошел туда, где его ждал вечный покой.

Кот хорошо знал то удаленное место, где жила Гремучая Змея, с которой не знался никто ни в парке, ни в поле.

Узкие тропинки вели Кота прямо на край света.

Когда он проходил мимо дома Ласточки, он увидел новобрачных, покидавших праздник. Ласточка тоже увидела его и поняла, нет! сердцем почувствовала, куда он идет.

Вдруг что-то упало сверху на лепесток розы, который Кот нес в лапах. На красном, как кровь, лепестке блестела слезинка Ласточки Синьи, освещающая одинокий путь Полосатого Кота той ночью без звезд.

Здесь кончается история, которую Заря услышала от Ветра и рассказала Старику-Времени, за что он и подарил ей обещанную розу. Иногда весной Заря прикалывает древнюю голубую розу к своему блестящему платью. И тогда рассвет тоже становится голубым.

Аминь

(подвел итог Попугай).

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Жоржи Амаду был в Париже в эмиграции.

2

Сабия — бразильская певчая птичка.

3

Гуява — тропическое фруктовое дерево.

4

Жакейра — хлебное дерево.

5

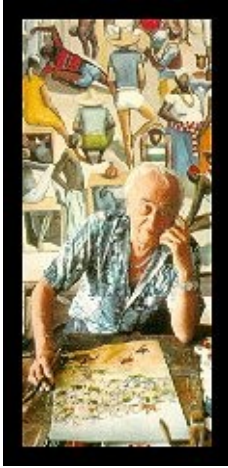
Такое маленькое существо и уже... (исп.)

6

Говорить с котом? Соображаешь, сумасшедшая, что ты делаешь? Господи, ну не дурочка ли! (исп.)

7

Местре — учитель. (исп.)

Carybé — Hector Julio Paride Bernabé (1911 — 1997)

Иллюстрации, увы, не все...

Белякова Елена Ивановна — переводчик с португальского.
Переводила таких писателей, как Машаду де Ассиз (Машаду де Ассиз).

Избранное. М.: Художественная литература, 1989). Жоржи Амаду, Э. Коутиньо...

В 1998 стала победителем первого конкурса переводчиков «Современная зарубежная художественная литература» и получила премию Фонда Сороса за перевод повести Клариси Лиспектор «Час Звезды».

Живет и работает в Череповце, преподаватель кафедры иностранных языков Гуманитарного института ЧГУ.